

НИЧЕГО не могу с собой поделать — не покидает какая-то сверлящая не-удовлетворенность! Бывает и так, что пройдут дни, недели, спектакль будто принят, а спокойной, полной, уверенной радости нет.

Это признание Галины Писаренко поразило меня. Мастер вокальной сцены, чья жизнь переполнена концертами, спектаклями, гастрольми... Растущий успех у публики и внимание прессы, телевидения, радио... Звания лауреата Всесоюзного и Международного конкурсов, заслуженной артистки РСФСР... Работа на первых ролях в труппе театра, который прочно держит репутацию коллектива экспериментирующего, ищущего ответы на вопросы современного оперного слушателя, — стольного Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко... У Галины Писаренко все основания быть довольной достигнутым. Однако, познав себя с ее размышлениями о сделанных работах, с ее суждениями об искусстве, с художественными ориентирами, убеждаешься, что как раз поиск, стремление к идеалу, постоянная творческая неудовлетворенность составляют зерно натуры и самую пружину жизни этой певицы.

В «Богеме» Пуччини Писаренко поет обе женские партии оперы — Мими и Мюзетта, столь различные, и столь привлекательные. Шикарная, блестящая Мюзетта и хрупкая, женственная Мими — Писаренко словно смотрит на одну из них глазами другой, внутренне сближая противоположности. Самоуверенная, неуравновешенная Мюзетта не только не шокирует, она притягивает. Мими Писаренко — так ясно уловимы в ней душевная открытость и мир доброты, сюжетно открывающиеся лишь в финале «Богемы». И это показатель для артистки: она наделяет гуманностью, нравственностью не только то, что подано для этого автором, а в образе чистой и прекрасной Мими, но имеет свою точку зрения на психологическую доминанту второй героини оперы.

Чтобы почувствовать диапазон образных перевоплощений, которым владеет Галина Писаренко, стоит еще пойти, скажем, на «Мавру» Стравинского вслед за «Богемой». Вот поистине крайние контрасты в психологии, природе образов и две остро-контрастные эпохи в музыке.

В костюме куклы для чайникова с жеманностями, а то и простодушными жеманностями и мимикой, артистка, кажется, уже внешне готова и к ироническому гротеску, который полна музыка Стравинского. Но что-то неуловимое не пускает ее за грань смешить публику, и это «что-то» связано с художественной проницательностью исполнительницы: Писаренко видит героиню оперы словно глазами двух художников — Стравинского и Пушкина (либретто «Мавры» сюжетно связано с пушкинским «Домиком в Коломне»), а потому бонит-ся закрыть гротеском либо куклоподобностью искренность своей героини. Певица всегда претит утрированностью, и здесь, в роли острохарактерной, комической, ею найдена тонкая и очень точная грань между стилизацией, пародированием, подлинностью.

Галину Писаренко непременно нужно увидеть и в «Прекрасной Елене» Оффенбаха, в этом блестящем спектакле станиславцев, бережно сохраняемом в том абрисе, в каком его создал Владимир Иванович Немирович-Данченко. Виртуознейшая роль, где вокальная линия избивает «скачками» в крайние ре-

люди искусства

ОБАЯНИЕ КРАСОТЫ

Ирина СТРАЖЕНКОВА

гистры, резкими переходами от пения к разговору, где мало танцевальных эпизодов, требует высокого ритмического и эмоционального заряда. И снова штрих: при глубоком уважении к режиссерским и актерским традициям (символично: Н. Кемарская, непревзойденная при Немировиче-Данченко Елена, теперь режиссерски ведет спектакль), к авторскому оригиналу, Писаренко соблюден тот баланс между условностью и реальностью, который сообщает роли живой пульс современности и рождает ощущение сегодняшнего, а не музейного спектакля.

— Сейчас часто дискутируется вопрос о том, что лучше в актере: умение полностью перевоплощаться или оставаться всюду самим собой, — говорит она. — Мне кажется, не в этом суть. Важно, чтобы горел внутренний огонь, убеждающий огонь! А он невозможен без фантазии, без своего творчества, которое вносит актер в роли.

— А как же с ролями, освященными золотой традицией? К примеру, образ Татьяны в «Онегине»?

— Образ Татьяны? Я убеждена, что до искомого и сегодня еще далеко. Хотелось дойти до сути пушкинской Татьяны, найти свой ход к ее натуре, не нарушая заданных рамок спектакля.

— И, как всегда, вашими помощниками были книги и документы эпохи, пластинки и картинные галереи, беседы с режиссерами, актерами, музыкантами?

— Да, но ключом, неожиданно перевернувшим мое представление об образе Татьяны, явилась беседа с Рихтером. Святослав Теофилович, необычайно глубоко и тонко чувствующий оперу, очень критиковал мою Татья-

ну. И вдруг произнес фразу, которая будто пронзила меня: «А ведь Татьяна все время о чем-то думает...» Сколько раз читались хрестоматийные строки: «Задумчивость — ее подруга», а вот осенило только теперь! С тех пор — с первого выхода Татьяны и до последней картины — психологическое наполнение образа мне ясно. Но это не все. Много билась я над чисто пластическим решением роли.

— Критика довольно высоко оценивает вашу работу в опере Чайковского.

— Все-таки, я думаю, мои внутренние «пробы» далеко еще не исчерпаны...

Постановка «Онегина» в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко во многом отличается от своих «собратьев» — спектаклей на других сценах. Камерностью, скромностью, той достоверностью, за которую так восторженно ратовал Чайковский. В этом ключе ведет и свои поиски Г. Писаренко.

— Необычно для слушателя ваше решение финала. Мы привыкли слышать в заключительной сцене драматическое сопрано. У вас же ни металла в голосе, ни внешней волевой решительности...

— Может быть, не хватает драматического тона? Но я не могу «отчитывать» Онегину! Ведь Татьяна до того больно, что ей не до проявлений характера. Да и сам характер ее не в том, чтобы резко оттолкнуть, а скорее, тихо сказать, что это невозможно. А при «высокой ноте» мне страшно, что Татьяна потеряет себя...

Думается, удача Писаренко в перечисленных ролях во многом связана с ее индивидуальными качествами. Внешние данные, манера держаться — пластично, благородно и просто — не могут не им-

понировать. Хотя, несомненно, успех определяет в первую очередь голос. Типичное лирическое сопрано (оно может быть окрашено у певицы в драматические, иронические, наивные тона, но это всегда сопрано лирическое) звучит на редкость ровно. Тембр ее голоса не просто красив. Он богат смысловыми обертонами, наполнен большой человеческой теплотой. У Писаренко никогда не бывает «эмоций на показ» или «эмоций в увеличении» (как не приемлет она нарочито утрированный грим), все созданное певицей с первых часов работы до выхода на публику пронизано живым чувством. Вот этим сочетанием красоты и теплоты, высокой культуры и полной безыскусственности отмечено все, что поет Писаренко.

У нее нет деления на роли главные и второстепенные. В «Кармен» — спектакле, созданном известным немецким режиссером Вальтером Фельзенштейном, — она поет Микаэлу.

— Режиссер стремился вылепить антипод Кармен, образ солнечный, светлый, словно говорящий: «Вот с этой женщиной Хозе, несомненно, был бы счастлив!» Трудность работы заключалась в том, что Фельзенштейн хотел от актера максимума отдачи уже на первых черновых репетициях. Он настраивал нас на полное включение всех чувств, нет, всего организма! А в таких случаях сам начинаешь предъявлять к себе совершенно иные требования... Сколько часов, дней было потрачено на одни только первые выходные фразы Микаэлы! Режиссер добивался того, чтобы я их «проговаривала», а не пела полным голосом, ибо Микаэла спешит узнать, где же он, Хозе, остальное для нее не существует... И так шла борьба за каждую строку, за каждый такт.

Встреча с Фельзенштейном явилась, действительно, для Писаренко неординарной школой. Можно сказать, что ей вообще в этом смысле повезло в жизни. Музыкальное образование она получила в детстве, а не в поздние годы, как это случается со многими вокалистами. Встреча с большим художником Ниной Львовной Дорлиак, занятия в классе которой означали не только академию мастерства, но и воспитание творческого воображения, этических, эстетических, гражданских качеств, приобретение огромных знаний, без которых немалым сегодня облик артиста. Поступление сразу после окончания Московской консерватории в Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, где довелось работать под руководством Д. Китаенко и Л. Михайлова, людей, тонко чувствующих и оперную сцену, и сегодняшние ее задачи, где такими мастерами театра, как Н. Кемарская, М. Гольдина, М. Мельцер, П. Златогоров, Т. Янко, С. Ценин, создана целая школа, помогающая обрести исполнителю подлинное актерское мастерство, осознать высокую духовную миссию актера. Наконец, она выступает с замечательными партнерами — Л. Болдиным, Я. Кратовым, Н. Гуторовичем, А. Мицеским.

Галину Писаренко можно услышать сегодня практически во всех сопрановых партиях репертуара, довольно часто обновляемого у станиславцев. Нередки ее сольные концерты в Москве, Ленинграде, во многих городах страны и за рубежом. По-прежнему ее жизнь заполнена трудом, который стал ее потребностью, ее подлинным удовлетворением. И по-прежнему дорог ей глубокий творческий анализ, замечания, пусть резкие, но бьющие в самую суть. Доказательство последнему — многолетняя

дружба с Ниной Львовной Дорлиак, тот нечастый случай, когда творческая связь ученика и учителя не только не обрывается, но усиливается с годами.

Галина Писаренко во всем идет по пути наибольшего сопротивления. Буквально на днях, уже в новом сезоне, она спела монографический концерт: Моцарт. Надо обладать смелостью и немалой долей творческого риска, чтобы посвятить целый вокальный вечер этой музыке, являющейся камнем преткновения для многих исполнителей. Можно сказать, что изысканность и простота и подлинное понятие красоты в их гармоничном единстве царил в этот вечер.

Писаренко выступала с монографиями Бетховена, Глинки, демонстрируя тонкое постижение стиля. Она поет в Четвертой симфонии Малера и в «Колоколах» Рахманинова, поет кантаты Баха и оперные арии, романсы Вагнера. Надо услышать, как поет Писаренко Генделя или, скажем, Пёрселла, обнаруживая и безукоризненное владение стилями старинной музыки, и тонкость интонирования, связанную с совершенным знанием английского (о безупречной дикции Писаренко как-то даже неудобно писать, ибо внимание к слову лежит изначально в ее вокальной культуре). Или как поет она старинные русские романсы, по сей день горячо любимые публикой, поет их с той долей «отстраненности», которая делает современным их звучание.

Над концертными программами Писаренко много думает, и они всегда отличаются вкусом и композиционной, стилистической стройностью. Она никогда и ни в чем не повторяет себя, не эксплуатирует однажды найденное, без усталости обновляя свои концертные выступления.

— А как вы относитесь к освоению сочинений советских авторов? — спрашиваю я Галину Алексеевну.

— Всегда с открытым сердцем, хотя иногда приходится расписываться в собственной несостоятельности. Я вот, например, не рискнула спеть в концерте Четырнадцатую симфонию Шостаковича, хотя как будто, по всем данным была готова, и мне очень этого хотелось. Но работать над музыкой Дмитрия Дмитриевича я не перестану никогда! Сравнительно недавно спела его цикл на стихи Блока, но чувствую, что работа над этим произведением не окончена, во многом она только начата и сопряжена с непомерными трудностями. Но сколько же глубины в этой прекрасной музыке! Я с любовью работаю над произведениями Прокофьева. В театре у нас идет его «Дуэнья», а в концертах я неоднократно пела вокальные сочинения Сергея Сергеевича, в частности, с волнением и трепетом «Гадкого утенка», эту «автобиографическую повесть» молодого Прокофьева.

К сожалению, мне довелось участвовать пока только в двух спектаклях на современную тему: в «Семье Тараса» Д. Кабалевского и в опере О. Тактакишвили «Три жизни». Подобные роли требуют усиленной отдачи. Я чувствую в себе и эти силы, и желание, и все-таки встреча с большой героиней, о которой мечтает каждая певица, — моей современницей и соотечественницей — еще впереди.

Галина Писаренко не любит говорить о том, что не успела еще сделать достойным публики. Но верится, что мы встретимся с ней на следующей ступеньке той лестницы, которая ведет к постижению правды в искусстве, к художественному совершенству.

Заслуженная артистка РСФСР Г. Писаренко. Фото В. Кузнецова.